

Сов. Россия. - 1992. - 27 окт.

Покинуть это невозможно

В гостях у Натальи Сергеевны Шепелевой, правнучки А. С. Пушкина

Не ослабевает интерес ко всему, что связано с родством великого поэта. Нам всякий раз дороги встречи с его потомками, в последние годы благодаря объединяющей миссии Всероссийского Пушкинского общества во главе с потомком древнейшего на Руси рода Пушкиных контр-адмиралом А. С. Пушкиным ставшие достаточно частыми. Только за последний год в Россию приезжали праправнучка поэта Клотильда фон Ринтелен и ее сын Григорий, живущие в Германии, праправнук поэта Н. В. Солдатенков из Парижа, братья Гревенец из Бельгии. Потомки Пушкина, живущие в России, — его правнук Григорий Григорьевич, праправнук Григорий Галин, прапраправнучки Андрей и Ольга Кологривовы — постоянные участники пушкинских мероприятий.

А вот Наталья Сергеевна живет уединенно, но благодаря ходатайству контр-адмирала А. С. Пушкина мы были приняты в ее доме. И вот за чайным столом в московской ее квартире вместе с контр-адмиралом и его супругой Людмилой Андреевной ведем беседу о Пушкиных.

Наталья Сергеевна... Трудно оторвать взгляд от ее лица. До боли знакомый и любимый овал, мягкая застенчивая улыбка, лучистая доброта живых и умных глаз невольно будят воспоминания, и слышится пушкинское: «Бог мне свидетель, что я готов умереть за нее...»

— Моя мать, дочь сына Пушкина — Вера Александровна, умерла, когда мне было четыре года, — начинает свой рассказ Наталья Сергеевна. — Это случилось в Лопасне, когда мы гостили у Гончаровых. В течение трех дней ее не стало, и отец посвятил себя нам — моей старшей сестре, мне и младшему брату: он погиб в 32-м году, молодым. Ему было всего 23 года... Рассказывать свою жизнь очень сложно.

И я представляю себе, как в голодной и холодной послереволюционной Москве от голода умирала дочь Пушкина Мария Гартунг, покорившая в свое время воображение Льва Толстого, воплотившего свое восхищение ею в образе Анны Карениной.

— Наталья Сергеевна, а вам довелось в жизни увидеть Марию Александровну?

— Увидеть?! Да, мы общались. Мне было 12 лет, когда мы переехали из Петербурга в Москву, это было весной 1917 года. А Мария Александровна умерла в 1919-м... В Москве мы жили в Трубниковском переулке... — Чем вы жили?

— Я работала — служила в фонотеке Консерватории. Приходила домой очень поздно и тогда, наконец, оставалась со своими родными. Я сделала альбом памяти Пушкина, где собрала семейные реликвии четырех поколений. Вот... Музей на Мойке... Здесь выписано из Пушкина то, что для меня наиболее дорого. Это из Онегина... Это фотографии памятников... Памятник в метро на Черной речке изумительный... А это Михайловское, таким оно было в 1911 году. Тогда там тоже был музей Пушкина и колония для престарелых писателей, они жили во флигелях. У меня есть письмо, опубликованное в 1918 году в «Музыкальной газете», где точно описано, как жили и грабили Михайловское. Его написала писательница, которая там в то время жила.

— Удивительно. В других местах, где жил Пушкин, сохранилось все, а здесь крестьяне...

— Не крестьяне! — возражает Наталья Сергеевна. — Это были бандиты. Пришли и в один день сожгли и Петровское, и Тригорское, и Михайловское. А все, что награбили, сложили в рояль, вытряхнув нутро, и увезли... Это Савкина Горка. Я ее очень люблю. Это Летний сад тех времен. Мне это очень дорого, потому что Пушкин писал, что гулял в нем как дома.

— А какие семейные предания храните вы о Наталье Николаевне?

— В семье к ней всегда относились все, как к святыне. Как Пушкин: «Верьте, что в ней все мое счастье». В семье в ней никогда и никто не сомневался. Сейчас, во многом благодаря трудам Ободовской и Дементьева, и в общественном мнении наконец она обрела свой настоящий облик. Такой, который и был.

— Наталья Сергеевна, вы прожили огромную и трудную жизнь, пережили революцию. Скажите, вы никогда не пытались покинуть Россию?

— Нет. Мой отец отказался. Ему предлагали, пытались его спасти. Он отказался. Он был очень патристичным. Русским до мозга костей. Жизни без России он не представлял. И погиб. В 37-м...

— И после этого у вас не возникало желания покинуть родину?

— У меня?! Нет. Как же я могла уехать, если мой отец тут страдал? Потом погиб. А я уеду? Нет. Это невозможно.

Г. ОРЕХАНОВА.

Фото А. Курбатова.